К. Ю. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ

К ВОПРОСУ О ТВОРЧЕСКОМ СТАНОВЛЕНИИ Н. А. ЛЬВОВА
(По материалам черновой тетради)

Исследователи жизни и творчества замечательного русского поэта XVIII столетия Н. А. Львова (1751—1803) располагают лишь незначительным числом рукописей, так как архив писателя не сохранился. Особенное значение поэтому приобретает изучение всякого, на первый взгляд даже малоценного для истории литературы документа. В связи с этим наш интерес привлекла находящаяся в рукописном отделе Пушкинского Дома «Путевая тетрадь № 1» Н. А. Львова, полученная в дар от М. Д. Беляева 16 сентября 1921 г.[1] Однако название, данное хранителями, неточно, ибо подавляющее число записей имеет чисто литературный характер. Тетрадь дважды привлекала внимание исследователей. Так, в 1922 г. Б. И. Коплан установил, благодаря найденному в ней черновику, что автором идиллии «Вечер», напечатанной в первой части «Собеседника любителей российского слова» (1780), был Н. А. Львов. Им же подтверждена догадка Н. С. Тихонравова о принадлежности поэту «чужих басен» в собрании произведений И. И. Хемницера и опубликован текст «Эпиграммы» («На рынке было то иль на дворе гостином»).[2] Л. И. Кулакова в статье «Творчество Н. А. Львова 1770-х—начала 1780-х годов» [3] использовала ряд стихотворных текстов, находящихся в этой тетради.

Главная цель данной статьи — выявление круга произведений европейской литературы, привлекших внимание Н. А. Львова в 1770-е гг., а также публикация его неизвестных стихотворных и прозаических текстов.

Сразу же нужно отметить обращение к «Путевой тетради № 1» позднейших переписчиков произведений Н. А. Львова — на л. 51 над экспромтом «Катерине Ал‹ексеевне› Дьяковой» есть позднейшая запись «не вписано»; по-видимому, этот документ был в руках составителей рукописного тома, объединяющего самые разнообраз-

---

[1] ИРЛИ, шифр 16.470 / CIV620, 133 л. Далее ссылки на рукопись приводятся в тексте с указанием листа; тексты даются в современной орфографии.

[2] *Коплан Б. И.* К истории жизни и творчества Н. А. Львова // Изв. АН СССР. Сер. 6. 1927. № 7—8. С. 699—726.

[3] *Кулакова Л. И.* Творчество Н. А. Львова 1770-х—начала 1780-х годов // Проблемы изучения русской литературы XVIII века. Л., 1974. Вып. 1. С. 45—54.

ные сочинения Н. А. Львова, созданные на протяжении всей жизни поэта (сохранился в фонде Г. Р. Державина в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде).

Большая часть записей «Путевой тетради № 1» датирована, но нарушение их хронологической последовательности указывает на то, что она заполнялась несистематически. Самая ранняя заметка датирована 9 декабря 1771 г., самая поздняя — 9 марта 1781 г.

Таким образом, перед нами материал, относящийся к первому десятилетию пребывания Н. А. Львова в Петербурге. Ограниченные средства, которыми располагал поэт, очевидно, стали причиной его проживания в домах друзей и родственников — М. Ф. и Ю. Ф. Соймоновых, П. В. и М. В. Бакуниных.

Как нами установлено, с января 1770 по 10 июля 1775 г. поэт служил в Преображенском полку, одновременно в качестве курьера совершая поездки за границу (в Гамбург, Копенгаген и Этин), что значительно расширило кругозор молодого человека. С 5 июня 1776 г. по 10 марта 1782 г. поэт находился на службе в Коллегии иностранных дел (в служебных документах отмечено знание им немецкого, французского и итальянского языков).[4] Известно о двух командировках за границу в это время — в Лондон, Мадрид и Париж в 1776—1777 гг., а также в Вену, Пизу, Флоренцию и Венецию летом 1781 г.

Литературные занятия Н. А. Львова начались вскоре после приезда в Петербург — в 1771 г. поэт вместе с Н. П. Осиповым, Петром и Николаем Ермолаевыми издает рукописный журнал «Труды четырех разумных общников»,[5] объединяющий главным образом переводы стихотворений французских писателей эпохи классицизма.

В начале 1770-х гг. завязываются дружеские отношения между Н. А. Львовым и И. И. Хемницером, в середине десятилетия к ним примыкают В. В. Капнист, М. Н. Муравьев, Ф. П. Львов — так постепенно формируется литературный кружок, с деятельностью которого Г. Р. Державин связывал благотворный перелом в своем творчестве.

Осенью 1777 г. Н. А. Львов переводил «Инков» Мармонтеля; к сожалению, этот текст до нас не дошел.

К 1778 г. относится крупная удача Н. А. Львова-драматурга — создание пьесы «Сильф, или мечта молодой женщины»; по-видимому, она написана для домашних спектаклей в доме видного сановника екатерининского царствования Петра Васильевича Бакунина Меньшого. Известно, что в этих представлениях прини-

---

[4] Служебный аттестат Н. А. Львова // АВПР, ф. ВКД, оп. 2/6, ед. хр. 1563, л. 4—5.

[5] *Кокорев А. В.* «Труды разумных общников»: (Рукописный журнал Н. А. Львова и др.) // Учен. зап. Моск. обл. пед. ин-та им. Н. К. Крупской. 1960. Т. 86, вып. 7. С. 3—46.

мали участие И. А. Дмитревский, Н. А. Львов, сестры Дьяковы. Одна из них, Мария Алексеевна, позднее вышла замуж за поэта, второй он посвятил следующий шуточный экспромт:

КАТЕРИНЕ АЛ‹ЕКСЕЕВНЕ› ДЬЯКОВОЙ

Катерина,
ты причина,
что лишен мужчина
чина,
был детина,
стал скотина.
О! Судьбина!

(л. 51; без даты)[6]

Для истории дружеских отношений с Бакуниными важна помета «1774, авгу‹ста› 8, у Бакуниных» над стихотворением «Увы! что в свете есть зляй муки. . .» (л. 71, об.), представляющим собой текст любовной песни в духе сумароковской школы. Любопытно пренебрежительное отношение автора к своему детищу, о чем свидетельствует приписка внизу: «на скору руку».

Видимо, для домашнего театра была сочинена Н. А. Львовым «Кантата на три голоса», датированная 5 июня 1775 г. (л. 83, об.—87). Аллегорические действующие лица (Мир, Марс, Россия) воспевают победу войск Екатерины II над турками, наступление мира, «златого века», «вожделенных дней». «Кантата» написана ямбами (количество стоп в ариях варьируется), по своим художественным достоинствам она ничем не выделяется из массы панегирической литературы того времени.

В доме Петра Васильевича Бакунина Меньшого, очевидно, произошло знакомство поэта с Д. Г. Левицким, дружбу с которым он пронес через всю жизнь. Замечательный живописец создал портреты тех, кто входил в ближайшее окружение Н. А. Львова: М. Ф. Полторацкого и его жены, братьев Бакуниных, А. А. Безбородко, А. Р. Воронцова и др.[7]

«Путевая тетрадь № 1» дает интересный материал для истории взаимоотношений поэта и художника, однако нужно констатировать, что он не был в должной мере использован исследователями, ряд вопросов до конца не прояснен. Нет единодушия в датировке двустишия «К моему портрету, писанному г. Левицким»:

Скажите, что умен так Л‹ьвов› изображен?
В него искусством ум Левицкого вложен.

В. Э. Вацуро относит его к 1777 г.,[8] а составители двухтомника «Поэты XVIII века» — к 1774 г.[9] Мы склоняемся в пользу второго мнения.

---

[6] См. также: ГПБ, ф. 247, ед. хр. 37, л. 89.
[7] Д. Г. Левицкий: Каталог. Л., 1987. 142 с.
[8] *Хемницер И. И.* Полн. собр. стихотворений. М.; Л., 1963. С. 348.
[9] Поэты XVIII века. Л., 1972. Т. 2. С. 195 (Библиотека поэта, большая серия).

К сожалению, при воспроизведении этого двустишия современными издателями игнорируется автоэпиграмма Львова, следующая в рукописи за ним, что приводит к нарушению авторского замысла: становится неясным, почему поэт отказал себе в уме. Автоэпиграмма указывает истинную причину состояния Львова в момент, когда его рисовал Левицкий:

ЭПИГ‹РАММА› НА МЕНЯ,
ТО, ЧТО МНЕ ГОЛОВУ ВСКРУЖИТЬ МОЖЕТ

Что Л‹ьвов› умен,
то правда так,
но Л‹ьвов› влюблен,
то Л‹ьвов› дурак.

(л. 71, об.)

Четверостишие перекликается с автоэпиграммами других членов львовского кружка (прежде всего, Капниста) и позволяет, хотя отчасти, восстановить атмосферу шуток и самоиронии, присущую этому творческому содружеству.

С портретами Д. Г. Левицкого, видимо, связаны четыре французских стихотворения на л. 15. Три из них — «Pour mon Portrait» («На мой портрет»), «Autre» («Другое»), «Pour le Portrait de Ma‹chinca›» («На портрет Ма‹шиньки›») — автографы Н. А. Львова, четвертое, по всей видимости, — автограф И. И. Хемницера с правкой Н. А. Львова («Vers pour mettre au bas du portrait de M-r de Lwoff» («Стихи к портрету Н. А. Львова)).

Необходимо сразу же отметить, что на обратной стороне портрета Марии Алексеевны Дьяковой, написанного Д. Г. Левицким, воспроизведено без названия четверостишие «Pour le Portrait de Ma‹chinca›».[10] Прежде его атрибутировали Л. Ф. Сегюру, чье стихотворение находится здесь же, чуть ниже. Исследователи считали, что перед ними восьмистишие, принадлежащее перу французского поэта-дилетанта, их не насторожил тот факт, что катрены написаны разными размерами и отмечены смысловой и интонационной законченностью. Вряд ли можно сомневаться, что автором первого четверостишия был Н. А. Львов, поклонник, а позднее муж М. А. Дьяковой. Приведем текст еще одного стихотворения Н. А. Львова, обращенного им к своему портрету:

POUR MON PORTRAIT

1779 март. 6-го

De L‹woff› on voit les traits sous ce pinceau fidèle,
Mais pour connaître encore son coeur et son esprit;
Il faut s'en informer chez Rousseau son modele,
Chez l'amour, chez Sapho, chez Flore et chez les Ris.

(л. 15)

(На мой портрет. 1779 март. 6-го. Мы видим нарисованные этой верной кистью черты Л‹ьвова›, но чтобы еще понять его сердце и его дух, нужно для этого обратиться к Руссо, его образу, к Любви, к Сапфо, к Флоре, к Смехам).

[10] Д. Г. Левицкий: Каталог. С. 48.

Как представляется, этот катрен обращен к известному портрету Н. А. Львова, датируемому концом 1770-х гг.[11] Опираясь на цитируемое стихотворение, время создания можно указать более точно — 1779 г. Двустишие же «К моему портрету, писанному г. Левицким», видимо, обращено к первому, не дошедшему до нас портрету.

Значительный интерес для характеристики окружения Н. А. Львова представляют две эпиграммы, написанные в один день. Первая из них, адресованная Александру Семеновичу Хвостову (1753—1820), литератору и острослову, двоюродному брату Д. И. Хвостова, сохранилась в устной традиции. Я. К. Грот отмечал, что о ней ему говорил Д. Н. Блудов, но мог вспомнить лишь последний стих: «Да лень». В искаженном виде она была сообщена издателю сочинений Державина А. П. Кожевниковым и напечатана в комментариях.[12] Публикуем текст стихотворения по автографу:

1779, февраля 10

Краской каждого своею
ты, Хвостов, нас трех списал,
а чрез то ты нам сказал:
«Вот как кистью я владею,
я за трех за вас умею
означать и свет и тень,
это видите вы сами,
и могу тремя быть вами,
да лень».

(л. 42)

К сожалению, послание А. С. Хвостова «Три портрета», обращенное к Капнисту, Хемницеру и Львову, ответом на которое является эпиграмма Н. А. Львова, остается до сих пор неизвестным.

Н. А. Львов несомненно показывал тетрадь друзьям — так, на л. 79 находятся французские стихи, внесенные сюда В. В. Капнистом, как это явствует из подписи. Капнисту также посвящен экспромт Львова, написанный 10 февраля 1779 г.:

Ты, Капнист,[13] меня просил,
Чтоб в бессмертие стихом тебя вместил,
Но всех на то не станет сил,
ты был
и будешь мил.

(л. 60, об.)

Сколь ни важны приводимые выше материалы, наибольшее значение для истории становления художественного дарования

---

[11] Там же. С. 52.

[12] Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. СПб., 1866. Т. 3. С. 414.

[13] В рукописи вместо имени Капниста стоят литеры «В. К.».

Н. А. Львова имеет изучение его переводческих опытов, а также выявление тех произведений западноевропейской литературы, с которыми поэт познакомился в 1770-е гг.

Первым по времени (8 декабря 1772 г.) в «Путевой тетради № 1» нужно назвать перевод заключительной части поэмы Ф. Вольтера «Естественный закон» («Poème sur la loi naturelle», 1752), так называемой «Молитвы» (опубликован П. Р. Заборовым).[14] Восьмистишие Вольтера, выражающее противоречивые чувства человека, утратившего веру, но страшащегося смерти и загробных мук, насчитывает в переводе Львова 10 строк. Если первый стих сжато и верно передает мысль Вольтера — русское «гласит» содержит в себе противоположные значения (хотя эффект оксюморона утрачен), которые выражены французским поэтом двумя глаголами («O Dieu qu'on méconnaît, o Dieu qui tout annonce»), то второй стих добавлен переводчиком от себя. В целом перевод, верно отражая замысел Вольтера, значительно уступает в художественной выразительности оригиналу.

К 1773—1774 гг. относятся литературные опыты Н. А. Львова, которые он сам обозначил как переводы «из Петрарка». Первое четверостишие с названием «Di Petrarca. Felice chi vi mira» («Счастлив, кто вами любуется»), написано, судя по помете, 24 апреля 1773 г. (л. 64, об.; см. также черновик на л. 132). Приведем его текст:

Счастлив, прекрасная, кто на тебя взирает,
Но тот счастливее, тобой кто воздыхает;
Счастливейшим из всех, того должно назвать,
Кто, воздыхав, тебя заставил воздыхать.

Просмотр имеющихся в библиотеках Москвы и Ленинграда изданий Ф. Петрарки, с целью выявления источника перевода, не дал положительного результата, да и по своему характеру стихи более сообразуются с прециозной литературой XVII—XVIII вв., чем с творческим наследием Ренессанса. Это позволяет сделать предположение, что русский поэт пользовался в своей работе каким-то, скорее всего французским, изданием, выступившим в качестве посредника.

Исследование других переводов из Петрарки лишь подтвердило данную гипотезу. На л. 31—33 находятся следующие отрывки:

1) «Пр‹имер› письмоводства. Опыт вол‹ь›ного переводу из Петрарка. Сонет 1. Solo e pensoso» (прозаический перевод, опубликованный А. Глумовым).[15]

2) Сонет 2-й. «Erano i capei d'oro» (перечеркнутый черновик стихотворного перевода).

---

[14] Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1974 г. Л., 1976. С. 84.

[15] *Глумов А.* Н. А. Львов. М., 1980. С. 13.

3) Сонет 2-й. «Erano i capei d'oro» (сверху заглавия помета рукой Н. А. Львова: «Перевел с италиянского 1774 году авгу‹ста› 31»; внизу — стихотворный текст). Этот текст полностью не публиковался, поэтому мы считаем необходимым привести его здесь:

Ее власы тогда приятно развивали,
Зефир, играя, их прекрасно завивал,
И в взоре нежности тогда ее сияли,
В том взоре, что днесь уж одним и взглядом стал.

Не знаю, зрел ли я, или то зреть мне мнилось,
Я нежность на лице ее красящу зрел,
И дивно ль, что мое вдруг сердце вспламенилось,
Все пламя я любви в душе моей имел.

Ее походка, стан божественны казались,
Не смертного слова мне в слух мой ударялись,
Я зрел небесный дух иль солнцем был прельщен.

И коль не такова она, как мне явилась,
Не можно от того, чтоб рана исцелилась,
Хоть бросивый стрелу лук был бы опущен.

(л. 32)

4) «Canzone. Chiare, fresche e dolci aque. . .» (за этим заглавием следует 17 прозаических строк на русском языке).

5) «Lettres de Pétrarque» (далее отрывок из 12 александрийских стихов лирического содержания на французском языке, обращенных к Лауре).

В ходе разысканий нами было обращено внимание на описание одного из изданий в 135 томе каталога французской национальной библиотеки в разделе «Apocryphes» (к сожалению, этой книги нет в библиотеках СССР, и ознакомиться с ней не удалось):

«Lettres de Pétrarque à Laure, suivie de remarques sur ce poète et de la traduction de quelques-unes de ses plus jolies pièces [par Nicolas-Antoine Romet]. Paris, 1765. 40 p.».

Здесь же в аннотации сообщалось: «Это издание содержит перевод сонетов „Solo e pensoso“, „Erano i capei d'oro“, „Lieti fiori“, „La Gola e'l sonno“, „Pomni ove'l sol“ и канцоны „Chiare, fresche e dolci aque“. „Письмо Петрарки“ — создание Н. А. Роме».[16]

Во Франции XVIII столетия итальянского лирика эпохи Ренессанса переводили очень мало (резко возрос интерес к этому поэту лишь в начале XIX в.), не было и двуязычных изданий. Доводы хронологии, наличие в книге Н. Роме сочиненного им письма Петрарки к Лауре и тех же самых сонетов, что и в «Путевой тетради № 1», а также ряд косвенных соображений утверждают нас в мысли, что Н. А. Львов пользовался именно этим изданием. Однако окончательный вывод невозможен без знакомства с книгой Роме.

---

[16] Catalogue général des livres imprimés de la bibliothèque nationale. Paris, 1936. T. 135. P. 122.

13 августа 1773 г. русским поэтом был выполнен перевод реплики Агамемнона из трагедии Ж. Расина «Ифигения» (действие первое, явление первое), ранее не публиковавшийся:

Блажен, кто счастием посредственным доволен,
Свободен бремени, чем знатной отягщен;
В степени мрачном быв спокоен, здрав и волен,
Где к счастию живет, судьбой он сокровен.

(л. 64, об.)

Строго говоря, точно переведен лишь первый стих, остальные три — свободное развитие Н. А. Львовым моралистического положения. 4 марта 1774 г. была переведена ода Ж.-Б. Руссо «На начало года» («Sur un commencement d'année»), названная Н. А. Львовым следующим образом: «Ода го‹сподина› Руссо на начатие нового года, а сия на окончание ос‹ь›мнадцатилетия моего» (л. 69—70, об.). Она состоит из пятнадцати катренов и должна быть признана одним из наиболее удачных ранних опытов поэта. Хотя порой Н. А. Львов отступает от подлинника, большая часть оды передана очень точно — фактически дословно переведены, к примеру, катрены 3 и 7. Однако стремление восемнадцатилетнего поэта к буквализму иногда осуществляется в ущерб смыслу русского текста, что особенно наглядно проявилось в пятом катрене:

En vain, par les murs qu'on achève,
On tâche à s'imortaliser;
La vanité qui les élève
Ne sauroit les éterniser.

Коль тщетно смертной помышляет
Чрез зданье стен бессмертным стать,
Та тщетность, их что созидает,
Не может вечность им придать.

(напрасно стараются себя обессмертить стенами, которые созидают; суета, которая их воздвигает, не сумеет их увековечить).

Без знакомства с подлинником читателю, особенно современному, не совсем ясен смысл второго стиха (под зданием стен имеется в виду их созидание; таким образом, авторская мысль заключается в том, что возведение дворцов и мемориалов не может стать вечным памятником их строителям).

Образцом буквального перевода, не лишенного высоких достоинств, может служить мадригал французского поэта XVII в. Н. Прадона (1632—1698) в переложении Н. А. Львова. Четверостишие Прадона обращено к Катарине Бернар (1662—1712), писательнице, родственнице Т. Корнеля и возлюбленной Б. Фонтенеля. В «Путевой тетради № 1» под датой «30 мая 1774 г.» помещен французский катрен и его перевод:

PRADON Á MADEMOISEL‹LE› BERNARD

Vous n'écrivez que pour écrire,
C'est pour vous un amusement,

Moi qui vous aime tendrement
Je n'écris que pour vous le dire.

ПРАДОН К МАДЕМУАЗЕЛЬ БЕРНАР

Вы пишете, лишь чтоб писать,
Забавою сие считая;
Но я пишу, вас обожая,
На то, чтоб вам лишь то сказать.

(л. 70, об.)

23 марта 1778 г. Н. А. Львовым был набросан перевод оды Сапфо (л. 38), сохранившейся в VIII главе позднеантичного трактата «О возвышенном», приписываемого Лонгину. Крупнейший теоретик французского классицизма Н. Буало перевел его, что способствовало росту интереса к древнегреческой поэтессе. Подавляющее число переводов этой оды на европейские языки в XVII—XVIII вв. выполнено с французского.

Через три дня, 26 марта 1778 г. Н. А. Львовым с учетом помет на первой редакции, принадлежащих, видимо, И. И. Хемницеру, записан окончательный текст перевода оды Сапфо (опубликован А. Глумовым),[17] отличающийся большей близостью к французскому источнику.

С переводом Сапфо Н. А. Львова вскоре были ознакомлены друзья поэта — видимо, тогда в свои дневники его текст внес М. Н. Муравьев,[18] а 30 октября 1778 г. помечен перевод этого стихотворения, выполненный М. Н. Муравьевым.[19] Вряд ли есть основания говорить о творческом соревновании двух поэтов, но неоспорим тот факт, что перевод Н. А. Львова способствовал возникновению интереса его друга именно к оде Сапфо.

Переходя к обзору прозаических отрывков, необходимо указать что тетрадь, находящаяся в ИРЛИ, хранит следы знакомства Н. А. Львова с творчеством таких различных писателей (выписки, пометы, фиксация имен и названий произведений), как Софокл, Эврипид, Геродот, Гораций, Катулл (все, видимо, через призму французских переводов), Ф. Ларошфуко, Ж. Лафонтен, Т. Корнель, Ф. Фенелон (многочисленные выписки из итальянского перевода «Приключений Телемака»), Ж.-Б. Мольер, Ж.-Ж. Руссо, Гудар де ла Мотт, Ж. Сен-Фуа, Ж. Ф. Мармонтель, Ш. Полиссо, Т. Тассо, Т. Круделли, П. Метастазио, А. Поуп, Д. Юм, Х.-Ф. Геллерт (выписки из французского перевода его басен), Лопе де Вега и др.

Следует перечислить наиболее значительные анонимные отрывки, признанные нами по тем или иным причинам переводными (имена действующих лиц, реалии, топонимы, неопределенные авторские указания): «О сложении женщин» (л. 9); ‹«Исторический набросок»› (л. 12),[20] «Сирский царь» (л. 66); «Сочинитель

[17] *Глумов А* Н. А. Львов. С. 28.
[18] ГПБ, ф. 499, ед. хр. 37, л. 26.
[19] *Муравьев М. Н.* Стихотворения. Л., 1967. С. 250.
[20] Названия в угловых скобках даны мною.

„Des lettres sur les ballets“» (л. 66, об.—67); «Doux pais» (л. 130, об.); а также стихотворения: «La corvée» (л. 34); «„Un amour mercenaire“ 1776 авг. 12» (л. 36); «<Герой»> (л. 65); «Сон» (л. 65, об.—66); <отрывок идиллии, написанной александрийским стихом> (л. 132, об.—133). Часто Н. А. Львов делал выписки на языке оригинала, а рядом переводил их; французская фраза порой оканчивается по-русски.

Видимо, переводом является следующее стихотворение в «Путевой тетради № 1» (источник его установить не удалось):

ПОЦЕЛУЙ

23 апр<еля> <17>73-го

Пылающей души, когда я в утешенье,
тебя, красавица,[21] с восторгом целовал,
Коли поступок сей хоть мало огорченье
тебе, прекрасная, невинно приключал,
Карай меня за то и дерзость отомсти,
что сделал я тебе, мне тем же заплати.

(л. 64, об.; см. черновик на л. 132)

Но в центре внимания Н. А. Львова в эти годы был эпистолярный роман — видимо, его форма, позволяющая в наибольшей степени раскрыть внутренний мир персонажей, привлекала молодого поэта. На л. 49, 99, об., 101 (1), 117 находятся выписки из романа Ж.-Б. д'Аржанса «Еврейские письма» и «Кабаллистические письма». Кроме того, как нами установлено, прозаический отрывок «Письмо 79. От кабаллиста Абукибака к прилежному Бен-Киберу» (л. 17—19, об.) — перевод из «Кабаллистических писем» д'Аржанса.

Произведением же, которому посвящено наибольшее количество записей, стали «Персидские письма» Ш.-Л. Монтескье. Материал, связанный с увлечением Н. А. Львова этим эпистолярным романом, относится к августу 1775 г., его можно разделить на следующие группы: 1) выписки на французском языке (л. 71, 92, 92, об.); 2) отрывки, сопровождаемые переводом (л. 48, об., 91, 127, об.); 3) переводы значительной части письма (CXXXVI — л. 110—112, об.; CXXXVII — л. 113 —113, об.); 4) перевод писем полностью (CLVII — л. 92, об.—93, об.; CXVII — л. 104—107, об.); 5) подражания «От Узбека к Заши в Испагань» (л. 94—96); «От Узбека к Роксланe» (л. 96, об.—98, об.); «Рика к Зелисе» (л. 101 (1), об.—104); «Невольник к Цефизе в сераль» (л. 108—109, об.); «Рика к Узбеку из Варшавы» (л. 115—116).

Тесная связь переводов и подражаний требует их совокупного рассмотрения.

Первым было переведено «Письмо CLVII. Заши к Узбеку». В нем Заши сообщает своему мужу об издевательствах над ней новоназначенного евнуха, подозревающего ее в неверности. От-

[21] Первоначальный вариант — «времян краса».

ветом на него является подражание Львова «От Узбека Заши в Испагань» (л. 94—96), аналогий содержанию которого у Монтескье нет. Узбек Львова пишет не как самовластный правитель сераля, а как не верящий в измену жены влюбленный, в душе которого борются противоречивые чувства. Главным для русского поэта оказывается противопоставление внутренних побуждений героя обязанностям, налагаемым на него высоким общественным положением: «Трепещу я сам истины! если тебя уличат, Заши, лишусь я твоих прелестей, но ты сердца моего не лишишься — я отмщу тебе как султан, но как любовник буду наказан. Хотя потом невинность твоя окажется, величество сана моего воспрепятствует мне к тебе возвратиться, султан унизится, когда любовник восторжествует» (л. 95). Воспоминания Узбека о первой встрече с Заши, угрозы, напоминающие скорее мольбы, и т. д. — все это результат развития Львовым одной из ситуаций «Персидских писем».

Тот же интерес к миру человеческих переживаний обнаруживает подражание «От Узбека к Рокслане».[22] Сравнение с любимой открывает Узбеку глаза на притворство французских женщин, этой же темы касается Монтескье в письме XXV, но любовные воспоминания, составляющие большую часть послания восточного путешественника к жене, в «Персидских письмах» подобных аналогий не имеют.

Третье подражание Львова — «Рика к Залисе» (л. 101 (1), об.—104) во многом сходно с сатирическими картинами, которые рисовал Монтескье, но образ молодого «светского» человека, подавляющего всех своим громким голосом, более сообразуется с нравами тогдашнего Петербурга, где соседствовали европейская образованность и крайнее невежество, чем с Парижем эпохи Регентства.

Тема самоотверженной любви невольника к жене повелителя раскрывается в его письме к Цефизе (л. 108—109, об.), чье имя у Монтескье не встречается. Львова, очевидно, увлекла возможность показать чувства героя, который не в силах скрыть губительную страсть и потому осмеливается писать.

Переводы Н. А. Львова точны, они выполнены разговорным языком образованного общества того времени и верно передают мысли автора. Пожалуй, выбор только одного выражения в письме CLVII следует признать неудачным: «. . .подлая и дерзкая душа взяла надо мною поверхность» («Son âme insolante et servile s'est élevée sur la mienne»). Эта фраза дает возможность самых различных толкований, тогда как Монтескье имелась в виду власть евнуха над Заши.

Завершая обзор литературных материалов, содержащихся в «Путевой тетради № 1» Н. А. Львова, можно констатировать, что объектом тщательного изучения для молодого поэта была литература французского классицизма XVII—XVIII вв. Значительное

---

[22] Сохраняем написание Львова, у Монтескье — *Roxane*.

влияние на него оказала также традиция малых жанров, культивировавшихся в европейских салонах того времени, что очевидно при анализе львовских загадок (они еще ждут своего публикатора — см. л. 78—79), мадригалов, эпиграмм и т. д. Однако в центре внимания поэта были произведения, отразившие интерес их авторов к внутреннему миру человека (стихотворения Петрарки, эпистолярные романы д'Аржанса и Монтескье), что прямо связано с формированием литературы русского сентиментализма.

Переводческая практика 1770-х гг. отмечена стремлением к буквализму, лишь через 20 лет писатель выступил с самостоятельной теорией передачи иноязычных текстов, которая во многом предварила искания русских литераторов начала XIX в.

Среди оригинальных текстов поэта, находящихся в «Путевой тетради № 1», больше всего стихотворений, написанных в жанре любовной песни (л. 35—36, 60 и др.). По своему стилю они близки произведениям сумароковской школы. Сочувственная цитация стихов А. П. Сумарокова и М. М. Хераскова (л. 23—24) подтверждает наше убеждение, что лирика именно этих поэтов, ставшая провозвестницей русского сентиментализма, была главным творческим ориентиром Н. А. Львова в 1770-е гг.

ПРИЛОЖЕНИЕ

23 августа 1778

КАК МЫ БУРИ ИСПУГАЛИСЬ

Из тонких южных туч [1]
блеснул со страхом луч
в потемки гордой ночи,
и мрачну нощи мочь
прогнал сияньем прочь
и ослепил нам очи,
так что ночная тень
стала нам в страхе день.

(л. 40)

ОДА ГО‹СПОДИНА› РУССО НА НАЧАТИЕ НОВОГО ГОДА, А СИЯ НА ОКОНЧАНИЕ ОС‹Ь›МНАДЦАТИЛЕТИЯ МОЕГО

1

Светило, мир [2] что освещает
и бренну смертных жизнь делит,
и круг воздушной [3] свой кончает
и новой бег зачать спешит.

2

С какою скоростью незнатно
окончился прошедшей тот,
равно с такою невозвратно
пройдет и наступивший год.

3

Все кончится, всем управляет
едино время, бег премен,
и часом, что другой сменяет,
в ничто час каждой обращен.

4

Лучшайший день, день лета ясна,
проходит, к нам не возвратясь,
година хлебна и прекрасна,
чтобы скончаться, началась.

[1] *Отмененный вариант*: Собой из тонких туч.
[2] Мир *надписано над первоначальным* шар.
[3] *Вслед за зачеркнутым* и ныне бег свой.

5

Коль тщетно смертной помышляет,
чрез зданье стен бессмертным стать,
та тщетность, их что созидает,
не может вечность им придать.

6

Природы царь, что быть гордится,[4]
не может рок сей избежать,
здесь мигу начинать родиться,
ничто, как умирать зачать.

7

Почто же в жизни толь кратчайшей
заботами себя тягщить,
почто терять день проходящий
для должного равно пройтить?

8

Коль смертных может рок плачевной
вмиг свет затмить твоим очам,
употребим сей миг, толь бренной,
он больше не придет уж к нам.

9

Достойна плача часть такая!
блаженство в жизни кто алкал,
и, счастье в поте созидая,
сам чрез себя несчастным[5] стал.

10

В надеждах льстительных теряет
лучшайшу в жизни часть своей,
надежде мнимой посвящает
именье настоящих дней.

11

Безумной! ты определяешь
себе сам бедственной[6] предмет,
ведя жизнь, в бедстве умираешь,
жить часу в жизни не нашед.

12

Не стану я так мыслить ложно,
не льстит мя прелесть вся сия,
не тот мой час, где жить мне должно,
но жизнь мне тот, в котором я.

13

О днях прошедших помышляю,
не ропщу, не жалею сих,
вперед которых дожидаю,
без страха жду и просьбы их.

14

Употребим свое стяжанье[7]
которо верно чтим своим,
чтоб то вкушати ожиданье[8]
владеть нас не лишало им.

15

Прошедший час ничто уж боле,
ты рок имеешь с ним один,
но настоящей в нашей воле
ему лишь смертной господин.

⟨17⟩74.III.4.

(л. 69—70, об.)

ОТ УЗБЕКА К ЗАШИ В ИСПАГАНЬ

подражание Монтескье ⟨не датировано⟩

Ужасная повесть! Как, Заши, твоя прелесть была дерзким взорам подлого стража подвержена? Трепещу, Заши! Какое ужасное преступление навлек на тебя сей страж, сто крат для меня бесчестнейший! Или твоя добродетель?. . Ах! Заши, бойся любви, бойся сей горячей мстительницы, бойся мужа, которой несчастием своим тебя накажет.

Когда я тебя в Смирне увидел, я тогда себя увидел пленником; шесть

---

[4] *Первоначально*: Что царь природы быть гордится.
[5] *Вместо* плачевным.
[6] *Более ранний вариант*: себя мучительной.
[7] *Над первоначальным* именье.
[8] *Первоначально*: Чтоб им владеть приготовленье.

лет с восхищением носил я сии оковы, когда красота твоя в заключении возрастала, не полагался на верность моих подданных, часто сам, да, сам часто, робким взором надсматривал я тайно, в безопасности ли твоя добродетель. Уверясь в том, надежен о тебе, отлучился и коль неоцененное мнил я приобресть сокровище по моем в Испагань возвращении; неужели мечта то будет, неужели к посрамлению моему порвешь ты мои узы и, неверная, лишишь меня сладкого плена, возвратишь мне тягостную свободу?

Ужасна будет для самой тебя сия измена! С высоты величества и славы престола, к чему ты была определена, в бездну нищеты я тебя повергну. Тяжкая неволя будет твой удел, слезы и плач — упражнение, стыд и поношение — мука чувствительной души, а что более? роптание страстного любовника!

Трепещу я сам истины! если тебя уличат, Заши, лишусь я твоих прелестей, но ты сердца моего не лишишься — я отмщу тебе как султан, но как любовник буду наказан. Хотя потом невинность твоя окажется, величество сана моего воспрепятствует мне к тебе возвратиться, султан унизится, когда любовник восторжествует.

Ласкаюсь я еще, если б не суетно я ласкался! Может, одна только твоя ветреность, одно слово вольное, один громкий смех были наказания сего виною: тигр, срегущий добродетель, чужд сокровища, им хранимого. Лишенный человечества, не внемлет он человеколюбия криков. Он, может, принял резвость за любовной восторг, примету преступления, излил на тебя всю жестокость его бесчувственности. Может, вспоминая, он что был, хотел тебе напомнить, что он не есть уже более, или, может, душа его, чужда нежным любви движениям, тайное имеет удовольствие торжествовать над предметами оных.

Всего я скорей надеюсь, нежели твоей измены. Верность всех моих рабов может мне быть подозрительно<й> прежде, нежели я о твоей усумнюся. Но и как не так, кроме стражи, обязывающей тебя быть добродетельною, сколько других причин испорченность твою хранить тебе изготовляют: величество престола персидского, сияние диадемы, твое великодушие, благодарность против меня, моя любовь и твое благополучие! Подумай, Заши, лишась ее, чего ты лиши<шь>ся. Я не лишусь больше, как твоей красоты. . . но если ты и всего на свете лиши<шь>ся, больше ли моей будет твоя утрата?

(л. 94—96)

ОТ УЗБЕКА К РОКСЛАНЕ

подражание
из Парижа 1775 авгу<ста> 19

Тягостны стали мне наконец фр<анцузские> женщины. Их живность по тех пор меня веселила, поколе она мне беспритворною казалась; но я их лучше узнал. Шутливой нрав, веселое лицо, смех и беспрестанное движение, кое они живностию называют, суть притворные орудия, коими они мужчин к себе привлекают. Победа их над нами совершенно сей счастливой истребляет в них характер, а нас выводит о нем из заблуждения.

Когда кажется, что мы услугами и покорностию приобрели право наслаждаться их веселым обхождением, то находим задумчивость, негодование, скуку. . .

Брак в Европе есть конец взаимных любви попечений, женщина замужем не старается уже мужу своему нравиться, уповая, что закон, коим он обязан любить ее, должность сию за нее исполнит.

Какое сравнение, Роксланa! Твоя живность с живностью парижской прелестницы, в которой движения глаз, слова, даже и до чувств — все хитрость и все искусство. В тебе ж природа их внушает; склонность располагает их, а любовь их употребляет, любовь приобретая.

Когда вспомню я тот восторг, в которой красота твоя меня повергала, все любовники кажутся мне несчастливы, потому что они тебя не знают.

Вспомни, как на бархатной софе, ароматами наполненной, нашла ты меня полуспящего, стыдливость мешала тебе разбудить меня, ты на меня

глядела, но потом любовь устами твоими меня встать заставила, биения сердца и зыблющаяся грудь твоя являли сильное оной движение, ты упала ко мне в объятия, слов недоставало к изображению твоих мыслей, я слышал только голос, но жар в глазах твоих изображал мне твои мнения, любовь мне их толковала.

Я отдался в твою волю, ты моей была подвержена, приятной поцелуй был возвещателем нежных желаний. Мы ими были преисполнены, им повиновались, и сколько красота твоя над душою моею всегда владычествовала, толико моя любовь тогда господствовала над твоею, ты была бессильна, я был победителем, но торжествовал, будучи побежденным.

Считаю я минуты моего в Париже пребывания, и та последняя, в которую я тебя увижу, будет первая моего удовольствия. Ах! Рокслана, надобно иногда быть на несколько отлученну от того, кого любишь, чтобы лучше восчувствовать; с тех пор, как я с тобою расстался, всякая минута горести для меня новую в тебе рождает приятность. И сколько их протекло, столько новых красот, увидев тебя, надеюсь я в тебе увидеть.

Будь здорова, Рокслана, будь довольна, да не помрачит печаль твоей прелести, и болезнь не истребит любовного в тебе жару, мою любовь только оной погасить долженствует. Лишение утех на несколько времени послужит тебе лучше их восчувствовать, время, которое я не был с тобою, дань сию тебе долженствует. Прости, Рокслана.

Из Парижа от 12 луны Сафара 1775.

(л. 96, об.—98, об.)

НЕВОЛЬНИК К ЦЕФИЗЕ В СЕРАЛЬ

от 26 авг‹уста›

Какое ужасное состояние, Цефиза. Я должен убегать тебя и духом быть с тобою непрестанно, видеть тебя всегда и не сметь глядеть на тебя, показывать тебе холодность, когда пламя любви в глазах моих изображается. Несказанное мучение! но должное для твоей непорочности! Она требует, чтобы уничтожить вредные слухи о твоей славе. Да, Цефиза, я на это согласен, охотно хочу я жертвовать моим удовольствием твоему спокойствию.

Тебя беспокоят неистовые сии слова, кои ты слышишь! Неужели, думаешь ты, они для меня нечувствительны? Нет, они столько меня разят, что я собственным моим спокойствием твое составить осуждаюсь.

Знаешь ты, сколько твоя беседа меня утешает, сколько слова твои над душою имеют власти, подумай же, сколь несносно для меня будет их лишение! И тогда, когда глаза мои уверили тебя о моей к тебе преданности, и поступки о движении моего сердца, когда приобрел я несравненное удовольствие целовать твою руку, горестное удовольствие, коего приятность муку мою теперь составляет.

Нет, Цефиза. . . Я буду доволен, коль удостоверен буду, что ты спокойна, я стану советовать моей страсти говорить с моим сердцем и его движения уговорить. «Утешайся, — скажу я ему, — твоим стена‹ни›ем, оное цена цефизиного покоя». «Ты любишь, — скажу я тогда сам себе, — и Цефиза любит. . . А не‹до›вольно ли сей непорочной любви, чтобы наградить тебя за твое страдание?»

Но если благотворной случай даст свободу мне с тобою увидеться там, где строгие глаза надзирателей не встревожат нашу нежность, позволишь ли ты мне, Цефиза, подойти к тебе, сказать тебе одно слово и бы‹ть› довольну?

Любовь от препятствий раздражается. Чувствую я, Цефиза, силу сей истины, вчера я был перед тобою и не воздержался, что‹б› не взглянуть на тебя, тогда жар, которой я в сердце моем имею, получа сугубую силу, на лице моем изобразился, ты то приметила, а мне все хитрости были потребны, чтобы от других утаить его.

Я скрывал, однако, мои мнения, и видели к тебе мою холодность. Но да не возмутит, Цефиза, она твоего духа, не подумай, что она истинна, нет, сила моей любви толь велика, что я ни скрыть, ни изъяснить не могу ее.

(л. 108—109, об.)